

АЛЕКСАНДР ЛЫННИК

Мой Гамлет

СТИХИ, ПРОЗА

Александр Лынный
Мой Гамлет. Стихи, проза

«Издательские решения»

Лынник А.

Мой Гамлет. Стихи, проза / А. Лынник — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834390-2

Александр Лынник — медийный профессионал, звукорежиссёр, ведущий радио и телепрограмм, пародист, музыкант, автор-исполнитель. Выступает в различных концертных залах России. Книга содержит сборник стихотворений и прозы автора.

ISBN 978-5-44-834390-2

© Лынник А.
© Издательские решения

Содержание

Бойня №Х	7
Белые ночи	7
Гражданская война	8
Казачонок	9
Ворон	10
Горечь полыни	11
Атаман	12
Бег	13
Дорога	14
Исповедь офицера НКВД	15
Опять весна	17
Архипелаг	18
Сон	19
Караваны PQ	20
Крейсер «ДЖУНО»	21
Норд-Ост	23
Монолог Юнкерса-87	24
Катерина	26
Горячий пепел	27
Разрыв-трава	28
Бойня №Х	29
Для кого...	30
Глоток	31
Очередь	32
Террор	33
Опасная игра	34
Из тьмы	35
Абордаж	36
Монолог капитана Блада	37
Гладиаторы	38
Клетка	39
Коррида	40
Крылья судьбы	41
Джезказган	42
Небо	43
Инструктору	43
DropZone	45
Мы не падаем	46
Аэродромы России	48
Под куполом	49
Полюс	50
Над полосой	51
Прыжок	52
Ссора	53
Анатолию Данильченко	55
Виктору Чмалю	57

Зачем?	58
Штормовое предупреждение	59
В. Высоцкому	59
Жизнь научит	61
Вор	62
Дороги судьбы	63
Снова двое	64
Лавина	65
Я не пою...	67
Возвращение	68
Там нет меня	69
Реквием	70
Блюз	71
Спор	72
Шторм	73
Эстафета	74
Streetracing hit	77
Север Батя	78
Север	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Мой Гамлет

Стихи, проза

Александр Лынный

*Господи, дай мне душевный покой, чтобы
принимать то, чего я не могу изменить,
мужество – изменять то, что могу, и мудрость —
всегда отличать одно от другого...*

Курт Воннегут

«Бойня номер пять, или Крестный ход»

© Александр Лынный, 2016

ISBN 978-5-4483-4390-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бойня №X

Белые ночи

Ночи петербургские,
Ночи петроградские,
Полусветом залита
Тихая Нева.
Синие, зелёные,
Белые да красные,
Окропилась кровушкой
Матушка-земля.

Пошатнулся царский трон
Под мужицким кулаком,
Рясами, папахами
Наполнился кордон.
За линию, за главную,
Страну – в дорогу дальнюю,
А веру православную —
На плаху под топор...

Солнце бурое встаёт,
Неспокойно на Руси,
Достаются кистеня
Не спеша из-под полы.
Раскрутился маховик
С криком: «Ухнем, твою мать!»
И колесо истории
Покатилось вспять...

Гражданская война

В глухом бурьяне, во степи, лежит боец-буденновец,
И ветер треплет, словно флаг, казённое сукно.
А рядом, в выжженной степи, казак, увитый кудрями,
Во лихом бою порубанный, оставил он седло.

Гражданская война,
Льётся кровушка сполна,
Отец на сына, брат на брата,
А Родина – одна...

И оба с одной волости ушли за дело правое,
Зажав клинок отточенный в мозолистой руке.
Один шёл с белой гвардией,
другой – под красным знаменем,
Нашли ответы на вопросы во сырой земле...

Гражданская война,
Нелёгкая судьба,
И флаги все раскрашены в разные цвета,
А Родина – одна...

И в той степи лежат бойцы, кружат над ними вороны,
И души их уж не стоят по разные по стороны.
И только ветер гнёт ковыль, да гонит тучи чёрные,
Господь Всевышний разделил им правду жизни поровну...

Казачонок

По-над яром конь стоит, в яблоках бока,
Дон-река внизу шумит, бьётся в берега,
Степь, костёр в ночи горит, ветер вьёт дымок,
Казачонок на заре греет котелок.

Батьки боле нет в живых, пуля догнала,
Мать, сына перекрестив, с горя померла.
И остался у него только батькин конь
– В яблоках бока его, да в глазах огонь.

Встал мальчонка, подошел к батькову коню
И ему посетовал на судьбу свою,
И слезой наполнились те две пары глаз...
Так стояли на яру, утра ждали час.

Солнце встало, ожил Дон, задышала степь,
Сел мальчонка на коня, засвистела плеть.
Лихолетье, ветер в грудь, детство позади
И не встретится оно больше на пути...

Ворон

Знамена унёс эскадрон,
А мне двадцать пять сороков,
Ручьем алым льётся в стерню моя кровь.
Не вскину клинок наголо,
И матушку не обниму,
Зачем я ушёл от неё на войну.

Атака друзей унесла,
И их не настала пора
Проститься с годиною лихой,
А надо мной, ворон
Машет крылом, скоро,
Не торопи, прошу, смертушку.

Ты, солнце, погоду уходить,
И, ворон, глаза не черни,
Дай сил отползти на траву со стерни.
Там, если смогу, поднимусь,
А коль не смогу, не судьба,
Последние муки хоть подле коня.

Скажу я гнедому, скажу:
«Зазря, видно, правду искал,
Нашел злую пулю, а жизнь потерял...»

Горечь полыни

Ты, мой конь, приумолк, приустал
От пыльных дорог боевых,
И тебе не понять, отчего
Родные идут на родных...
И тебе не понять, почему
Брат на брата – наотмашь клинком,
И сошлись на прицеле одном
Во жестоком бою сын с отцом.

Соль на губах, словно горечь полыни,
То ли от ветра, то ли от слёз,
Друг мой гнедой, погрустим о России,
Здесь нам родиться с тобой довелось...

Расставания час недалёк,
Над Одессой сгустились дожди,
Подкатил к горлу хриплому ком,
И жестоко сдавило в груди.
Придержи-ка меня, конь гнедой,
Что-то я окончательно скис
И иду, словно на эшафот,
По ступеням Потёмкина вниз.

Соль на губах, словно горечь полыни,
То ли от ветра, то ли от слёз,
Друг мой гнедой, погрустим о России,
Здесь нам родиться с тобой довелось...

И уходит сознание моё
Вместе с этим гудком корабля,
Прощевай же ты, конь мой гнедой,
Ты – со мной, я – с тобой на века.
И обнял есаул молодца,
Сняв подпругу, что стала чужой,
И обжёт напоследок бока,
Но не плетью, а тихо, рукой...

Атаман

По-над Доном опять, вьётся серый туман,
По весне шлях-дорожка прескверная.
Уходил на войну молодой атаман,
А за ним на гнедых сотня верная.

Ветер гуляет во степи,
Чёрные тучи воды льют.
Во время лихое казаки,
Песен весёлых не поют...

И на полном скаку осадил он коня
И на батьку взглянул, встав на стремянах.
Не могИ слеза, покидать глаза
Казаки их льют, разве только в снах

Ветер гуляет во степи,
Чёрные тучи воды льют.
Во время лихое казаки,
Песен весёлых не поют...

Бег

Выпей терпкое вино,
Не молчи корнет, поверь
До России далеко,
Эмигранты мы теперь.

Словно плетью бьёт тоска,
Грусть в глазах, на сердце – боль,
Здесь другие берега
И совсем другой прибой.

Ты, мой друг, ещё так слеп,
Всё поймёшь, придёт твой день,
Прослезишь глаза во след,
Стаям белых журавлей.

Жизнь, как будто бы во сне,
Сон, как будто наяву,
Что, корнет, и ты молчишь?
Видно тоже во хмелю...

Дорога

Вам досталась по жизни дорога
– Мост под небом и пропасть внизу,
Стук в ночи, крик, конвой у порога,
Кол за крест в безымянном лесу.

По этапу вела вас порода,
В вас плевали с газетной лжи,
Уходили поэты народа —
Кто – от пули, а кто – от петли.

Вы не предали друга и Бога,
И на дикой обмана стерне
Не взрастили предательство – слово
На уставшей от страха Земле.

Вам досталась по жизни дорога —
Мост под небом и пропасть внизу,
Стук в ночи, крик, конвой у порога,
Кол за крест в безымянном лесу...

Исповедь офицера НКВД

*Посвящается прадеду Лынному Владимиру
Мартыновичу, репрессированному 25.05.31 г.
Тройкой ППОГПУ БАССР и реабилитированному
Указом Президиума Верховного Совета СССР
от 16.01.89 г.*

Это было давно, много лет
Отсчитал с мига я рокового,
Когда взвёл вороной пистолет,
Чтобы к мёртвым отправить живого.
И в тот миг задрожала рука,
Поздно вышку менять на острог.
Так скроил я из друга врага,
Прокатив через горло комок.

Он у стенки, а я был в строю,
Капитан процедил приговор.
Папиросу под ноги плюю
И в патронник вгоняю патрон.
Я нажал на курок вороной,
Парень вздрогнул, упав на лицо.
У него жизнь одною строкой,
У меня лишь отдача в плечо.

Был мороз, меня встретила дочь,
У него дочерей было две,
Я не спал в ту кошмарную ночь,
Он не жил в эту ночь в январе.
Кто же умер, спустившись в подвал?
По кому же идти ставить свечи?
По врагу, что убит наповал,
По себе, что судьбой искалечен?

Было двое нас в том январе,
Над которыми взвился клинок.
Первый поднял холодный ТТ,
А другой крикнул: «Слышь, паренек!
Папиросу отбрось сапогом,
Ни к чему свою совесть тревожить,
Лучше ставь её рядом с врагом,
Чтобы разом двоих уничтожить.

Завяжи ей потуже глаза,
И, смотри, не промажь, бей дуплетом».
Внял я этим советам тогда,
Чтоб висок не сверлить пистолетом.

Этот молох смолол нас двоих:
Его в прах, а меня на куски,

На тот свет отправлял я других
По этапам большого пути.
Что-то нужное пало во мне,
И подняться, увы, не смогло.
...Это было в ту ночь, в январе,
И оно превратилось в ничто.

Столько лет пролетело с тех пор,
Как душа заразилась проказой!
Но сегодня усилилась боль
От обыденных строчек Указа.
Я прочел на казённом листке
Его имя простое – Иван.
То, которое в ночь, в январе
Там, в подвале, цедил капитан.

Всё проснулось, и язвы горят,
Мы в подвалах взводили затворы,
Но за мной и другие стоят,
Кто строчил, как стихи, приговоры.
А за ними еще крестят лбы,
Обагранные кровью до пят,
Властины страны и судьбы
Перед Господом Богом стоят.

Прикрывают приказами свыше
Прокажённые мощи свои...
Чем прикрыться же мне пред Всевышним?
Я по горло в невинной крови.
Отправлял я врагов в мир иной
Без эскорта печальных процессий.
Я заколот Указа строкой
ПРО НЕВИННЫЕ ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ...

Опять весна

Опять весна: ручьи буравят камни.
Опять весна, и снова пенье птиц,
Опять весна в свои права вступает,
Несёт тепло, не ведая границ.

Россия снова улыбнулась солнцу,
Простила всех – к лучам её душа,
Забыв опять о ранах и о муках,
Она ещё жива и ждёт тепла.

Сколь времени прошло и просочилось крови,
В промёрзший грунт, и в слёзы талых вод,
И где найти ещё такой истории?
Где власть народная сажала свой народ.

Там в лагерях затаптывали заживо,
Взамен крестов не ставили колов,
И просто в ров ссыпали души праведных,
Сибирь стоит на кладбище «врагов».

Проснись, Земля, согрей нам всходы дружные,
Не дай один, ещё подобный путь,
Не торопись рвать нужное – ненужное,
Чтоб к милостыни руки не тянуть...

Архипелаг

Нервы, в пальцах застыла дрожь,
Слёзы, не растопить вам ложь,
Брошу в печку паленья дров,
К камням прильну и закурю...

Утро, вот уж шестой покров,
В жилах еле струится кровь,
Вера, как на ресницах снег,
Тает в глазах, словно слеза...

Гаснет, мой уголёк в печи,
Сырость, вечные сквозняки,
Песня, как заунывный стон,
Скрипнула дверь – это не сон...

Видно, не дотянуть этап,
Пальцы еле сомкнул в кулак,
Тянет, «Архипелаг ГУЛАГ»
Душу мою, в землю свою.

Нервы, в пальцах застыла дрожь,
Слёзы, не растопить вам ложь,
Брошу в печку паленья дров,
К камням прильну и закурю...

Сон

Мне приснился странный сон —
Снова мир наш затемнён,
Снова страх и наговоры,
И по ним я осуждён.

Я закован в кандалы,
И со мной друзья мои,
И сердцам не долго биться —
Лишь до утренней звезды.

Утром встанем у стены,
И поднимутся стволы,
И потухнет свет в очах,
Окрик на сухих губах.

Утро: ветер бьёт в лицо
Мы стоим плечо в плечо,
И отчаянье режет сердце,
Неужели это всё?...

Вот настал миг роковой,
Комендант махнул рукой,
Залп раздался, я проснулся
Я спасённый! Я живой!

В руку сон мне этот вроде
Он принёс благую весть:
Лишь, когда курки на взводе,
Верую, целуя крест...

Караваны PQ

PQ-17 – арктический конвой времён Второй мировой войны, печально знаменитый большими потерями.

Уходим в дальний рейс с Хваль-фьорда,
Прощай, земля, плывем за океан.
Под звуки джаза вышли мы из порта,
И курс на Мурманск взял наш караван.

Наш северный эскорт, плывём мы в русский порт,
И волны ледяные бьют о борт.
Торпеды за кормой и злой сирены вой,
Атлантика, ты стала нам судьбой.

Вот впереди задрал корму наш транспорт,
И стал вдруг чист и страшен горизонт,
Идут под воду люди, пушки, хлеб и танки,
Идут под воду судьбы моряков.

А в трюмах ценный груз, вверху «бубновый туз»,
Внизу подлодка пеленгует курс.
Торпеды за кормой, и злой сирены вой,
Плывёт в Россию северный конвой.

Наш северный эскорт и многим здесь дано
В казенных простынях уйти на дно.
Торпеды за кормой и злой сирены вой,
Плывет в Россию северный конвой...

Крейсер «ДЖУНО»

Японская подлодка в 1942 году добила крейсер «Джуно». Гибель этого корабля стала одной из самых страшных трагедий в истории американского флота.

Плывём вдоль острова Квадальканар,
Вцепившись телами в спасательный плот,
А крейсер «Джуно» ушёл навсегда
В последний свой порт под толщей вод.

Вокруг слой мазута, обломки и гарь,
Вверху уходящий «Фоккера» вой,
Кругом океан, один океан,
И ужас находит стеной.

Несчастных накрыла бездонная ночь,
И шепчутся звёзды среди тишины,
Одна лишь забота – гони мысли прочь,
Чтоб только с ума не сойти.

И кто-то сказал, что не гибнут от пуль,
А гибнут от страха и тьмы,
Другой же ответил: «Страшнее акул
Ничто быть не может на нашем пути».

И миг наступил, долго ждать не пришлось
Всплывали один за другим плавники.
Над вспоротой гладью воды встала ночь
Был жуток их профиль в свете луны.

Акулы, как стая взбесившихся псов,
Сужая спирали витки, шли на плот.
Вот первая жертва – распорот живот,
И кровь, уходящая в водоворот.

А холод по мокрым телам разгулял
До самых костей свою мерзкую зыбь,
И первый помощник чуть слышно сказал:
«До помощи нам не дожить».

И все на плоту потушили глаза,
И ужас цементом в их души залёг,
И только лишь боцман молча курил,
Надежды дымил уголек.

Сказал он спокойно: «Так было не раз.
Кто смерть презирает, тот Богом храним,
Здесь лягут в кораллы лишь те, кто сейчас
В надежде пробоину вскрыл».

А вспомнить пора бы нам те времена,
Где вены, как змеи, вздувались в висках,
Где пела над нами морская душа,
И где мы не ведали страх...»

А те, на плоту, вновь открыли глаза,
И звёзды в глазах засверкали огнем,
И стало теплее, и чёрная ночь,
Как в сказке, увиделась днём.

И кто-то сказал, что не гибнут от пуль,
И, паузу сделав, запел чей-то бас,
И все подхватили под ясной луной:
«ДО ВСТРЕЧИ, РОДИМЫЙ ТЕХАС...»

Норд-Ост

Команда «погружень», темнеет глубина,
Свинцовое давление, сдавило нам бока,
И в нас уже не дует балтийский ветер злой,
Идём на погружение, и значит, скоро в бой!

Задраены все люки, и замерли винты,
Там, наверху, нас ловят в прицельные кресты,
А здесь, внизу, как в топке, и близок наш конец,
И слышится в отсеках биение сердец.

Торпедная атака – сейчас иль никогда,
И тянутся секунды, как будто бы года.
Остановилось время, торпеда режет борт,
И транспорт не вернётся во вражеский свой порт.

Но наши судьбы тоже ложатся на весы:
Зарыскали, взбесившись, «сторожевые псы»,
Глубинные заряды нам перепонки рвут,
И нам одно спасение – на глубину, на грунт.

И превратилась лодка в продолговатый склеп,
И шёпотом в отсеки даёт команду кэп:
«Немного нам, братишки, осталось пролежать,
Еще чуток, и впору балласты продувать.

И вот идём наверх мы к любимым небесам,
И дышим полной грудью наперекор врагам.
Перископ над водою окинул горизонт,
Кильватер за кормою, и волны бьются в борт.

Мы в боевом походе, и живы мы пока,
И гребни волн ласкают нам ржавые бока,
И снова хлещет в рубку балтийский ветер злой,
Идём надводным ходом, а значит, «Домой!»

Монолог Юнкера-87

Чехлы от ветра злого надуты в паруса,
На сером фюзеляже холодная роса,
Не высохнуть росе той от солнечных лучей,
Уже сверкают точки посадочных огней.

До взлёта остается каких-то два часа,
Под пастью бомболюка промчатся облака,
Стабилизатор взвоят, свалив меня в пике,
А из него уж точно я выйду налегке.

Уйдет полтонны груза на голову врага,
А я – на путь обратный с крутого виража,
Коснутся мягко шасси бетонной полосы,
И бомбы снова схватят надёжные замки.

Вот экипаж садится, пристёгнуты ремни,
И засверкали быстро на плоскостях винты,
Газ выжат до отказа, вот я уже бегу,
И вновь колеса от бетонки рвутся в высоту.

До цели остается каких-то два часа,
Под сводом бомболюка несутся облака,
Мой командир спокоен, нет страха на лице,
Настанет его время свалить меня в пике.

И засверкал огнями блокадный Ленинград,
Вот-вот отдам ему я свой смертоносный град.
Но что со мной случилось? Предел по тангажу,
И вот уже я не в пике, а в штопор ухожу.

Корёжит перегрузка, и стонет фюзеляж,
Внизу под куполами спасённый экипаж.
Лавиной надвигается холодная волна,
И самому из штопора не выйти никогда.

Последние секунды над небесами вой,
И вот разбит я вдребезги холодной волной,
И тело мое серое с крестами на боках,
Мой груз из бомболюков развеивает в прах.

Чехлы аэродромные не лягут на кресты,
И шасси не коснутся бетонной полосы,
Расставлены все точки, закончен мой полёт,
Другие ждут команды, опять идти на взлёт.

Но рано или поздно, пусть даже налегке,
Они капот опустят в последнее пике,
И, падая отвесно, скользя по небесам,
Застынет в одиночестве податливый штурвал.

В последние секунды они легко вздохнут,
Что с полным бомболюком не выйдут больше в путь,
Зенитные разрывы, свинцовая вода,
И не бомбить им больше большие города...

Катерина

В небе полно птичьих стай,
Зеленью дышит май.
Тянутся к солнцу цветы
Залечивать раны Земли.

Катерина, Катерина, еду к тебе,
Ветер глотая хмельной,
«Катерина, Катерина!» – кричу я себе,
Нешто увижусь с тобой?

Чёрным был, словно тьма,
В час расставания с тобой,
А теперь седина
Вьётся по – над головой.

Катерина, Катерина, еду к тебе,
Ветер глотая хмельной.
Катерина, Катерина, спасибо судьбе,
Что чудом остался живой.

Ой, ты, полынь-трава,
Сердце сжимает боль.
Сколько друзей потерял
Я на войне лихой!

Катерина, Катерина, вера моя,
Надежда, мечта и любовь.
Катерина, Катерина, победа пришла,
Вскипает от радости кровь!

Горячий пепел

Enola Gay (B-29) – входил в 509 специальную авиагруппу. Самолёт был назван командиром авиагруппы Тиббетсом в честь его матери, Энолы Гэй Тиббетс. С него была произведена первая в мире атомная бомбардировка.

Урановый «малыш» весом в пять тонн,
Эквивалент приличный, 20-ть тысяч тонн тротила
«Б-29» вдавил в сухой бетон,
И спит ещё бедняга Хиросима.
Бравые ребята – экипаж готов,
Где-то за горами поднимается светило,
Плоскости сверкают от лучей прожекторов,
И фюзеляж оскалил проклятое имя.

«Энола Гей» – это ль не верх цинизма,
Именем матери названа смерть.

Створки бомболюка распахнулись, как окно,
Урановый «малыш» оторвался от замков,
Сорок шесть секунд до рождения его,
И столько же – до смерти стариков.
Сорок шесть секунд – и не будет детей,
Докажи, Господь, в чём виновны они?
И как допустила Энола Гей
Имя своё утопить в их крови.

Атомный смерч, пепельно-серый гриб,
В прах превращает землю и жизнь.

«Б-29» возвращается домой,
Логично завершается Манхэттенский проект,
Нет в бомболюке его «малыша»,
И сотен тысяч душ – НЕТ!
Политики рады, козырь в руках,
У Тиббетса орден блестит на груди,
Мамаша Энола, целуй же сына
За имя, потопленное в крови...

Разрыв-трава

Давно сменилось времени знамение,
Всё прожито за давностью лет,
Всё изменилось, но без изменения,
Висит на стенке в рамочке портрет.

Он не вернулся в мае сорок пятого,
Она ждала, он был такой один
И он погиб у города, у Кракова,
Меж двух дорог: сержант пехоты, сын

Придёт она и снимет фотографию,
Протрёт стекло, смахнёт слезу рукой,
Прижмёт к груди, белёсую рубаху
Войны уж нет, и надо жить одной.

Разрыв – трава под ветром тихо клонится,
Перед зарёй дождём прибило свей,
Ничто не может отогнать бессонницу,
От влажных глаз солдатских матерей...

Бойня №X

Матерый был крут, чтит законы тайги,
О пададь не пачкал стальные клыки,
Что с того, что с того...
«Лохматый» взлетел, раскрутивши винты,
И «белая кость» повзводила курки
На него, на него...

Волк чтит закон, но вскинут ствол,
Очередь, кровь, как рябина на снег.
И не уйти стае в степи,
И бесполезен, и жалок их бег.

Там волка продали «друзья» егеря,
А здесь сдали совесть, в купюры хрустя,
И зазря пули пьет ребятня.
Опять АКМ раскален добела,
Трассирует рифму «Чечня» и «резня»
Для тебя и меня.

Бал правит ствол, вздернут закон,
Души невинных сжигает напалм,
И рвется фугас, и в «Норд-Ост» – газ,
Тем, кто не шел, не хотел и не знал.

Как этих волков, «власть» сдала пацана,
С экрана он смотрит на мать и отца,
Под ножом подлеца.
Палач, не спеша, его тело строгал,
И матерным русским оформив оскал,
Прохрипел: «Аллах акбар».

Бал правит ствол, вздернут закон
Кровная месть ослепила глаза,
Мальчик Чечни, детство в крови,
Взорванный двор, голод и лагеря.

Слезы льет храм, стонет Коран,
Бог и Аллах им кричат: «НЕ УБЕЙ!»
Кровь пьет Земля, водку пьют егеря,
Так превращаются люди в зверей...

Для кого...

Бойцам погибшим в мирное время...

Он бежал – для кого, для чего?
Кто его придержал бы на миг,
И спросил: «Это стоит того,
Чтоб за это отдать свою жизнь?»

Он бежал – для кого, для чего?
Не затем же, чтоб кто-то сказал:
«Я – последний, кто видел его,
Его снайпер сразил наповал».

Он бежал – для кого, для чего?
Что за рок его в угол загнал?
Скажут коротко: «Не повезло», —
И глотком опрокинут стакан.

Он бежал, прорывая засаду,
Перед этой бедой одинок,
Ну, а мать получила в награду,
Вместо сына – казённый листок...

ГЛОТОК

Бойцам погибшим в горах Кавказа...

Свинец сбил с ног, ниспосланный судьбой,
Покинувший стволов резные норы.
Он встать не смог – и земляной волной
Обрушились на грудь чужие горы.
Он не узнает, кем оборван путь,
По чьей вине разменной стал монетой.
Глоток огня – жизнь разлилась, как ртуть.
И не собрать по скалам капли эти...

Очередь

Ветеранам когда-то пророчили:
«Скоро сгинет понятие «очередь»,
Ну, а далее шло многоточие...

Только зряшно умы им морочили,
Они снова вставали в очередь,
Монолитной стеной скособоченной.
Сыны Родины, Родины дочери.

А они шли на смерть между прочим,
Автоматная резала очередь их,
Под Нарвой, Москвой и Сочи,
Седину раздавая клочьями.

Ветеранам когда-то пророчили:
«Скоро сгинет понятие «очередь»,
Точки нет, по сей день многоточие...

Террор

Глупость живет среди нас, среди нас живет хамство,
Подлость, жестокость, цинизм, шантаж, наговор,
И восседает на лаврах империи страха
Каин безумного века по кличке «Террор».

Он не поднимется в рост там, где пахнет расплатой,
Там, где с другой стороны передёрнут затвор.
Снята чека, под ногами ребёнка – граната,
Всё это: Каин безумного века по кличке «Террор».

Грязные деньги невинных выводят на плаху,
И хладнокровно палач опускает топор.
Так восседает на лаврах в империи страха
Каин безумного века по кличке «Террор».

Поздно молиться, когда твою душу продали,
Все оправдания тебе обернутся в укор,
Просто тебя и меня втопчет в грязь сапогами
Каин безумного века по кличке «Террор».

Что-то не так, из inferno торчит спинка трона.
Дьявол, собравшись на бал, ангажировал тьму.
Кто же объявит террор вне суда и закона?
Сколько еще нужно жертв, чтоб сказать «НЕТ» ему?

Опасная игра

В плену плохой игры,
Тебя ждёт страшный сон,
Ведущим – будешь ты,
Ведомым – будет он.
Как долго вам идти,
Неясно до конца,
За выход из игры,
Не названа цена.

Когда придёт дня звон,
И сгинут ваши сны,
Ведущим – станет он,
Ведомым – будешь ты.
Как долго вам идти,
Неясно до конца,
За выход из игры,
Не названа цена.

На стыке дня и тьмы,
Ещё игрок придет,
За выход из игры,
Он цену назовёт...

Да! Это битва!
На лезвии бритвы...

ИЗ ТЬМЫ

Тьма наступает, но день будет светел,
После жары – жди дожди.
Кайф через край – жди беды.

Порцию зла породит добродетель.
Розы одеты в шипы,
Мир сладок после войны.

Хлеба и зрелищ просили вельможи,
Но гибнет и царь, и холоп,
Всех ожидает потоп.

Я у черты, путь назад невозможен,
Мир мой и груб, и жесток,
Я преступаю порог.

Ветер по миру любой грех развеет,
Совесь утонет в вине,
Слава любая в цене...

Зависть готовила яд Амадею,
И палача знают все,
Хоть он пылает в огне...

Абордаж

Пять футов до борта: кричи, не кричи,
Оскалены зубы, ножи и мечи.
Вверху жарит солнце, внизу ждёт жратвы
Всеядная пасть глубины.

Быть может, удача пополнит сундук,
За долю в добыче не всё сходит с рук,
За трусость – на рею, заслуги не в счёт,
Кто знает, кому повезёт...

Ад под небом!
В крови такелаж!
Абордаж!

Невинный, запомни: здесь честь не в чести,
Пирату лишь море отпустит грехи.
Смешно и нелепо брать пулю в живот,
Неведомо знать, чей черёд!

Кто душу заложит по сходной цене?
Гораздо дороже душа на ноже,
За грань бриллианта ничто – жизнь врага,
Кто знает, и может быть, даже своя...

Ад под небом!
В крови такелаж!
Абордаж!

Монолог капитана Блада

Я – фрегат, мои мачты глядят в небеса,
Ветер дует в тугие мои паруса,
Правым галсом иду на крутую волну,
Ни за что, никогда не пойду я ко дну.

А шпангоуты песню родную скрипят,
Брызги, словно янтарь, на канаты летят,
Чёрный флаг, а на нем белый грозный костяк,
Жизнь и смерть вечно рядом, но это пустяк.

Мне знаком абордаж, штиль и каверзный шторм,
В моих трюмах, как кровь, в бочках плещется ром,
Сотни раз за фальшбортом кричали: «Спаси!»
Но пощады не будет, её не проси.

Вот форштевень, как флюгер, мне курс указал,
А до шхуны пять миль, и в ходу уже фал,
Кливер бьётся – молись от души, капеллан,
Знает дело прилично своё капитан.

Сколько там человек на сундук мертвеца?
«Йо-хо-хо!» – и веселью не будет конца,
Снова палуба золотом будет гореть,
А за борт чьим-то жизням к акулам лететь.

Галеоны! Вы кормите нас, дураки,
Ваше золото в наши летит сундуки,
Словно румпель сверкает на солнце оно,
А над палубой снова гремит: «Йо-хо-хо!»

Питер Блад, капитан, благородный пират,
Закричал: «Абордаж!». Крюки за борт летят,
Все смешалось вокруг, лязг ножа, пули свист,
Запах пороха в угол забил трюмных крыс.

Я – фрегат! Мне команда моя по душе,
Весь до киля пропитан я кровью уже,
Режу я океан, я – морская краса,
ВЕТЕР ДУЕТ В ТУГИЕ МОИ ПАРУСА!

Гладиаторы

Туч обветшалых плед
Свет проточил еле-еле,
Красится парাপет
Сумрачным цветом тени.

Утренний ветер жжёт,
Кутая в столы и тоги,
Амфитеатр ждёт —
Скоро рассядутся «боги».

Арена вот-вот проснётся —
Кровь на песок прольётся,
И повлекут тела
Ржавым крюком багра.
Рукоплещите, скоро
Толпу опьянят их стоны...

Клетка

Один – с трезубцем и сеткой,
Другой – с мечом и щитом,
Два зверя взбесились в клетке —
И это, увы, не сон.

Ага! Одного задело,
Кровь хлынула по спине,
Исчезла черта, где звери —
Внутри клетки или вне.

Император приносит жертвы,
Исполняя толпы каприз,
Палец вверх – это крайне редко,
А, как правило, только вниз.

Всех пьянит крик души последний
И отточенной стали звон,
И неважно, кто будет первый,
Лишь бы корчился в муках он.

Сверху подали знак: «Довольно!»
В ожидание другие бои,
И трезубец готов впиться в горло
Под неистовый вопль толпы.

Жизнь для брата просил гладиатор,
Только смерти желал Колизей,
Вот он – римский амфитеатр,
Развлечения для нелюдей.

Коррида

Арена уже до отказа забита,
С минуты в минуту начнется коррида,
Тебе б только выжить иль сгинуть без боли,
А тем, наверху, – зрелищ и крови.

За это уплачено ими сполна,
Тореро, глотни на удачу вина,
Забудь, что есть страх и что жизнь лишь одна,
Там чувства нехвата, там им грош цена.

Твёрже шаг, матадор,
Что нам жизнь – блеф и вздор,
Только риск – враг и друг,
Он почётный и траурный круг.
Красный плащ,
Крик толпы,
Миг – и всё позади.
Как огонь вдалеке,
Кровь горит на песке.

Измотанный бык обезумел от злости,
Один только промах – и всё позади,
Но взгляд его мутный скользнул из-под век,
И вдруг показалось, что он – человек.

Как выдержать взгляд этот, как устоять,
Но жертвой обязан один кто-то стать,
Смелей, матадор, здесь для чувств места нет,
Будь проклят кровавый безжалостный цвет!

Твёрже шаг, матадор,
Что нам жизнь – блеф и вздор,
Только риск – враг и друг,
Он почётный, и траурный круг.
Красный плащ,
Крик толпы,
Миг – и все позади.
Как огонь вдалеке,
Кровь горит на песке.

Крылья судьбы

Чёрное поле и нету цветов,
Только ковыль и ветер,
Долго бродил я по этому полю,
Но никого не встретил.
Лунной дорожкой пошёл не спеша,
Выпь тянет «У...у» занудно,
Чёрные волны тащит река
И на душе паскудно.

Прямо с обрыва чёрной реки,
Крикнул себе: «Лети!»
Но не сумел, налились свинцом
Чёрные крылья судьбы.
Этот ли сон, которого ждал,
В нём нет и толики света,
Светлые крылья себе загадал,
А выросли чёрного цвета...

Джезказган

(или охота на волков в степях Джезказгана)
Они бежали по рыхлому, глубокому снегу. Шлейф пара,
летающий от огненных тел их, вонзался в леденящую
свежесть воздуха. Лапы искали опоры, но она предательски
уходила от них, замедляя бег... А за спиной свист лопастей и рёв снегоходов.
Что там, впереди? Луч надежды – или тьма безысхода...

В степи гонят стаю не гончие псы,
Ревут снегоходы, рвут небо винты.
Овраг далеко, не садится туман,
И не помогает волкам Джезказган.

Облава вождями взята под контроль,
В стволах не картечь и не дробь номер ноль,
Моторы ревут наверху и с боков,
На этой охоте нет красных флажков.

Летит стая тая, как лёд под огнем,
Степная комета с кровавым хвостом,
И только вожак не свернёт ни за что,
Ведь те, позади, верят только в него.

С небес снегопад, свинцепад от вояк
В последнем прыжке принял в тело вожак,
Застыли винты, по сто грамм, егерям
И только лишь ветер провыл: «Джезказган...»

Небо

Инструктору

Моему другу и инструктору Сергею Минигулову, а также, моему первому самолёту «Бекас», посвящается...

Инструктор мой – пилот крутой,
Он с небом венчанный судьбой,
Он носит имя Санина Серёги.
Спокоен с ним любой полёт,
С ним, как в ковчеге в бездне вод,
Вернее, как за пазухой у Бога.

И он летать меня учил,
А я мозгами тормозил
И самолёт в пике валил на крене влево.
С ним понял я – кто я таков,
И что, увы, без матюгов
Ещё никто не отыскал дорогу в небо.

Я с ним летал, проблем не знал,
Чуть что не так – он ручку брал
И был момент, я спасовал, а он сначала.
Переводил «Бекас» в пике,
И материл на вираже,
Но вдруг сказал – лети один, пора настала...

Фонарь закрыт, Серёги нет,
Я с самолётом «тет-а-тет».
И зубы отбивают степ, набухли вены.
В судьбу поверив в первый раз,
Я двинул РУД на полный газ,
И в этот миг пилот вселился в мои гены.

Уходит из-под ног земля,
Теперь не посадить, нельзя!
Стоп-кран не дёрнет наверху кондуктор.
Лечу по кругу, драйв в крови,
А там, у взлётной полосы
Свои круги, куря, наматывал инструктор.

Я думал, что легко летать,
Ну, как два пальца... об асфальт,
Но оказалось всё не так под облаками.
В груди мотор чечётку бьёт

И страх все мысли в клочья рвёт,
Оставив лишь одну – о милой маме...

И вот уж рядом полоса,
Но высота, увы, не та,
Повторным кругом я хлещу себя по роже.
Хлещу по гадам всех мастей,
По мнимой гордости своей,
Здесь, в небе, гордость ни при чём,
Здесь жизнь дороже.

Взбесился ветер, как назло.
Болтанка мучает крыло,
И изнывает всё нутро от напряженья.
И понял я, что небо – труд,
И скоротечен в небе суд,
На нём не будет даже капли снисхождения.

Вот и четвёртый разворот
– Пора сажать, инструктор ждёт,
Ему досталась очень трудная задача.
Что может сделать он внизу?
И всё в моих руках вверх,
И я, конечно, посажу, а как иначе...

Инструктор мой – пилот крутой,
Он с небом венчанный судьбой,
Он носит имя Санина Серёги.
Теперь и я в любой полёт
Уверенно иду на взлёт,
И на посадке – как за пазухой у Бога.

DropZone

(парашютистам ПЦ РБ «Первушино» посвящается)

Случайных людей здесь не было, нет и не будет,
На наших весах балансирует быль и небыль,
Но чаша весов, не гадание: «любит – не любит»
Мы здесь для того, чтоб сказать тебе: «Здравствуй,
небо!»

Как после грома,
Воздух дрозона,
Смешан озоном с мечтой пополам.
Словно часть дома
Наша дрозона,
Так пусть она снится нам.

Страх в каждом из нас, но на шее его – удавка,
И мы его держим надёжно до шага из люка,
А там, отдаваясь потоку, мы делаем ставку,
На жизнью наполненный наш крыловидный купол.

Мы веруем в Бога, но наши молитвы кратки.
Друзья улыбнутся, они, как обычно, рядом.
И внутренний голос нам скажет: «Всё будет
в порядке!»
И он не обманет ни словом, ни делом, ни взглядом.

Мы не падаем

Моему инструктору по AFF из Мензелинского аэроклуба Сергею Максимову посвящается.

Нам не с руки ругаться на ветра,
Ведь даже в штиль в ветрах живет прыжок,
И знаем мы, как велика цена,
Простому шагу в бешеный поток.

Мы, словно беглый узник замка Иф,
Свободу пьем, как терпкое вино,
Глотаем воздух небу подарив,
Свободное падение своё.

Если спросит кто: что нас тянет ввысь,
Побеждая страх, падать камнем вниз?
На вопрос такой, есть ответ один:
Мы не падаем, мы – летим!!!

Вот и она – царица-высота,
Затягивает, как в водоворот,
За горизонт цепляются глаза,
Внизу колдун колдует нам заход.

Летим и жжем потоками лицо,
Хранитель-ангел рядом, знаем мы,
И хочет сердце выдернуть кольцо,
Но сердце не указчик для руки.

Если спросит кто: что нас тянет ввысь,
Побеждая страх, падать камнем вниз?
На вопрос такой, есть ответ один:
Мы не падаем, мы – летим!!!

Ещё не время – тысяча шестьсот,
Ещё сто метров, а потом – пора,
Ну, а пока – не прерванный полёт,
И раздвигают плечи облака.

Пошла «отмашка», стянут каждый нерв,
В руках медуза рвётся к небесам,
Разжата кисть и взгляд на купол вверх,
Дай Бог, чтоб каждый видел его там.

Если спросит кто: что нас тянет ввысь,
Побеждая страх, падать камнем вниз?

На вопрос такой, есть ответ один:
Мы не падаем, мы – летим!!!

Опять земля и купол на плече,
И ровно пульс стучит в моей груди,
Иду к друзьям по небу, по судьбе,
Как от себя, от них мне не уйти...

Аэродромы России

Утро тронуло лётное поле,
Снова быль превратилась в небыль,
И у поля есть трудная доля,
Перестать быть трамплином в небо.

Перестать слышать шум моторов,
И шасси ощущать касание,
Сводки метеослужб, прогнозы,
Разрешения, ожидания.

Лишь на картах, как в поле некошеном,
Нежат взгляд, как цветы полевые
Уничтоженные и заброшенные
Аэродромы России.

Ветер бьёт по лохмотьям крыльев,
«Кукурузники» сбились в стаи,
Их штурвалы покрылись пылью,
Им сказали: «Всё! Вы отлетали...»

И опять блудный сын к порогу,
И опять на волнах печали
Время снова нам скажет строго:
– Друг вставай, начинай сначала!

И тогда над мечтой окрылённой,
Прорастут, как цветы полевые,
Вновь рождённые и возрождённые,
Аэродромы России...

Под куполом

Под брюхом биплана АН-а
Винты гнут траву июля,
Дропзона – родная мама,
Спасительная пилюля.

И будет коротким слово,
На пафос не будет видов,
Кивнёт командир: «Готовы?»
И «Ха!» – прогремит на выдох.

Спасённые Богом за веру,
Мы словно под куполом храма,
Спускаемся с неба на землю,
Но мало нам этого, мало...

И снова нас борт встречает,
А мы же за борт всем скопом,
Секунды в года вращаем,
Коль вдруг не заладится что-то.

Расслабившись на потоке,
Подальше пошлём приметы.
И снова по струнам-стропам,
Пройдёт перебором ветер.

Не надо нам песен гордых,
И гимны слагать не стоит,
Пусть будут лишь два аккорда,
Но слушать мы их будем стоя.

Пусть мысли не лягут в рифмы,
Была бы лишь малость яви,
О том, кем мы раньше были,
О том, кем теперь мы стали...

Спасённые Богом за веру,
Мы словно под куполом храма,
Спускаемся с неба на землю,
Но мало нам этого, мало...

Полюс

Я о Северном полюсе в детстве далёком мечтал,
Так бывает, друзья, и мечты мои всё же сбылись,
И когда я в свободном падении в полюс влетал,
Я подумал о тех, кто ему отдал целую жизнь.

Солнце над горизонтом повисло в сплошной синеве,
И в рубашке смирительной спит океан подо льдом,
Вроде не далеко, всего несколько тысяч «км»,
Но мне кажется здесь бесконечно далёким мой дом...

Полюс, полюс, тишина вокруг
И куда не пойдёшь – всюду юг...

К этим льдам шел Седов обезноженный стервой-цингой,
Пробиваясь по градусу, жизнь вгрызаясь в снега,
И макушка Земли приближалась строка за строкой
В дневниках экспедиций оставшихся там навсегда.

Покорить невозможно вершин, вы поверьте друзья,
Лишь немногим безумцам в глаза им взглянуть довелось,
И на грудь покорённого Полюса встать нам нельзя,
Побеждённой не будет земная уставшая ось...

Полюс, полюс, тишина вокруг,
И куда не пойдёшь – всюду юг...

Здесь без спросу заходят в палатку – таков здесь закон,
И хозяина Арктики принято всем уважать,
Здесь как будто бы прозрачно всё, но всегда есть резон,
Край суровых широт по-серьёзному воспринимать.

Над палаткой дымок, и лохматый заснул вертолёт.
Пацанам всем под сорок, и сорок мороза уже.
Лишь весной на Полюсе город Борнео живёт,
И летят с Лонгйера суда и плывёт ВПП.

Полюс, полюс, тишина вокруг,
И куда не пойдёшь – всюду юг...

На собачьих упряжках отважные сбросят тоску,
И туристы шампанское выпьют, в бокалы звеня,
И не вспомнит никто, как десант прыгнул в серую мглу,
Что б Борнео воскрес в тусклых бликах полярного дня...

Над полосой

Над взлётной полосой туман,
Собою поглощает снег,
И снова ждёт шасси, седая полоса.
Но вот уже зажглись они,
Аэродромные огни,
Турбины МиГарей поют на голоса...

И крайний чек на фале блещет,
Закрыт над лётчиком фонарь,
Закрылки «взлёт» и прочь колодки,
– В счастливый путь, – махнёт технарь.
Корабль, вздрогнув, с места сгинет,
На миг у полосы замрёт,
И, окатив форсажным громом,
В безоблачную даль уйдёт...

Прыжок

Я знал, что жизнь у каждого своя,
И жизни счёт разложен по годам,
Но я не знал, что жизнь на всех одна,
Для тех, кто прикоснулся к небесам.

Те, кто хоть раз оставив мишуру,
По своей воле сделал шаг за борт,
Летя, глотая терпкую струю,
Не ради славы выбрал этот спорт.

Нам горизонт дугой согнёт леса,
И словно плетью иссечёт поток,
И будем ждать мы снова небеса,
Лишь только прыгнем крайний наш прыжок.

Под суетой не списывай мечту,
Ведь юность не сдают во власть годам,
И коль мечте назначил randevu,
Иди навстречу вЕтрам и ветрАм...

Ссора

Они были друзьями в полку боевом,
Об их дружбе в полку плели байки,
Один соколом вился в дали голубой,
А другой на земле крутил гайки.

А случилось всё так: торопился пилот
Побыстрее свой МиГ в поднебесье поднять,
Позарез ему нужен был этот полёт,
Он до первого класса хотел налетать.

Он стоял над душой и давил на него:
Побыстрей, Лёха, мне надо в небо.
Но технарь не спешил и твердил всё своё:
Дружба дружбой, а дело есть дело.

Нам, механикам, Сеня, не стоит спешить,
Это служба, дружок, – не парламент.
Чтобы в небе вам было спокойно кружить,
Существует НИАС и регламент.

Так что, Сеня, увы, не взыщи на меня,
И у нас тоже служба – не сахар.
– Ваша служба – пустяк, – он сразил технаря,
– С ней легко может справиться прапор.

Ты не знаешь о том, что творится вверху,
Риск для нас – наш единственный путь,
Вам дано копошиться под нами внизу,
Вы – для нас, а не мы. В этом суть.

– Узнаю я в тебе ваш пилотский кураж,
Белой костью всё быть норовите?
Только, как не клади РУД на полный форсаж,
Вам без нас не поднять истребитель.

Слишком рано ты начал икрою метать,
Так оставь самолюбие в себе,
Ты задался, старлей, в небесах не понять,
Как приходится ждать на земле.

Я – пилот, ты – технарь, каждый выбрал своё,
Что профессора равнить со слесарем? —
Он добавил нервозно, подёрнув плечо:
Богу – Богово, кесарю – кесарево.

Зря берёшь ты, Семён, этот на душу грех,
Мне с тобой разговаривать скучно,
И средь вашего брата немало есть тех,
Кто – чуть что, сразу лупит по ручкам.

Он был тоже неправ, он его бы простил,
Время лечит и боль, и измены,
Но в тот день роковой он законтрить забыл
Пробку бака от маслосистемы.

И ушёл его МиГ в поднебесную даль,
Долго гул отдавал в перепонки,
Как ни ждал возвращения друга технарь,
Шасси вновь не коснулись бетонки.

И когда вертолёт его тело принёс,
А точнее остатки от тела,
Технаря «особисты» ввели на допрос
В кабинет, где верстается дело.

Восемь лет украшают цветы пьедестал,
Восемь лет жизнь на нарах бесова.
И не важно уже, кто когда-то сказал:
БОГУ – БОГОВО, КЕСАРИЮ – КЕСАРЕВО...

Анатолию Данильченко

Лётчику, учителю и другу...

Вроде всё – как обычно: зарницы вдали,
И плывут облака надо мной,
Вроде всё – как обычно: но тянут они,
Погрустить, покружив над землёй.

Не на землю наш друг самолёт посадил,
В синеву он ушёл навсегда,
Так уж вышло: он в небе остался один
на один, перед Богом тогда...

Он улыбку хранил для тебя и меня,
От рожденья хранил и до тризны,
Он был просто пилот и смотрел свысока,
На просящих подачку от жизни.

Сколь души он отдал «желторотым птенцам»,
Скольким крылья помог он расправить,
Своё сердце отдал по частям пацанам,
Что бы их называли «орлами»!

Мы привычки старались его перенять,
Мы ему подражали отчасти:
Как по совести жить, как шутить и летать
И плевать на мирские напасти.

И пожатие руки его было родным,
И хотелось с ним выпить покрепче,
Он был в доску своим, он остался таким,
И поднялся, став воздуха легче.

Он полётом дышал, он полётами жил
По земле не ходил, он летел.
Словно ангел-хранитель, от бед нас хранил
Лишь себя уберечь не сумел.

Так случилось – домой мы вернулись не все,
Стрелка Толи застыла в часах.
К нашей пяди земли прикоснулись шасси,
Он же сел высоко в облаках.

С верой в то, что ты смотришь на нас с высоты,
Мы летать будем в небе твоём,
И споют твоё имя не раз нам винты,

И качнется земля под крылом...

Виктору Чмалю

14 июня 2015 г. ушел из жизни лётчик, тренер,
спортсмен, абсолютный Чемпион мира по высшему
пилотажу Виктор Чмаль

Солнце с Востока вернулось, обыденно радуя,
Снова мечта к нам вернётся однажды во сне,
Но не вернётся к нам снова закрашенный радугой,
Смайлик, подаренный им дорогой синеве...

Как мириады огней одновременно падая,
Виктора Чмаля упала внезапно звезда,
Солнце взошло на Востоке лучами не радуя,
Друга от нас забрала навсегда синева.

Жил он в театре, где занавесом было облако.
Вместо поклона, он делал глубокий вираж,
Был он актёром и не был он чьим-то прообразом
В моноспектакле он высший играл «Пилотаж».

Он доиграл эту главную роль скоротечную,
В крыльях биплана – он так надевать их любил,
И улетел в освещённую звёздами млечную,
Вечно искрящую в небе сапфирную пыль...

Вновь под крылом открываются дали,
Холодно где-то, а где-то тепло.
Просто не верится: нет с нами Виктора Чмаля,
С нами осталось лишь небо его...

Зачем?

Зачем это надо, зачем мы рискуем?
То падаем в небо, то в небо стартуем
И вновь проникаем в морские глубины,
И бьём ледорубом в седые вершины.

И на виражах цементируя нервы,
Зачем в этих гонках нам надо быть первым,
Секундами жизнь измерять не годами,
Ни ветрами пьяными быть, а ветрами,
Зачем?

Зачем прямо в бездну мы смотрим подчас?
Ведь бездна сама взгляд бросает на нас,
Мы верим в приметы, но им не внимаем
И перед безумцами шляпу снимаем.

Зачем эту жизнь тащим без остановки?
В горах доверяясь крюкам и верёвке,
И в мёртвой петле видим жизни начало,
Всегда ожидая девятого вала,
Зачем?

Но шаг не замедлим, мы выбрали это
Движение по лезвию к лучику света,
И многих уже поглотила лавина,
Их кони шагнули за кромку обрыва.

И пусть уходили они молодыми,
Жизнь не прожигали, они её жили.
Держали мгновение в прыжке и на взлёте
И риск превращали в простую работу...

Огней мириады рождаются где-то,
Века пролетают, стареют планеты,
А нас, как и прежде, манит бригантина
И Северный полюс дрейфующей льдиной.

Как солнца восход бесконечен и нужен
За нами другие пройдут зной и стужу,
Зачем это надо, никто не ответит.
Мы просто такие, мы взрослые дети...

Штормовое предупреждение

В. Высоцкому

Он бил наотмашь, прямо в центр нерва,
И очень просто ведал о простом,
Он наши души очищал от скверны
И бился правдой в кривду, как в бетон.

Так жил поэт среди других поэтов,
Летя в фатальный миг своей судьбы.
Дуэль без правил – правила Советов
Влепила в спину девять граммов лжи.

Вот он упал в костюме из сомненья.
Застыли мизансцена, люд и пир.
И, не дождавшись сцены погребенья,
Воскрес он вновь в безумный этот мир.

Воскрес актёром, другом и поэтом,
Воскрес святым, с распятою судьбой,
Воскрес, кем был, а кто бы мог при этом
Прийти опять, взорвав собой покой.

И по сей день меня терзает дата,
Когда рука поэта бросила перо,
Но по инерции секира супостата
Секла его правдивое чело:

– Ты диссидент, опасный государству,
Ты ложь бросал во вражий микрофон
Про церковь и кабак, тюрьму и пьянство
Под хрип, который выдавал за стон.

Пел про войну и горные стремнины,
Но сам не воевал, и в горы не ходил!
Побойтесь Бога, он был сам ВЕРШИНОЙ,
И всю войну сквозь сердце пропустил.

Его слова летели к нам с небес
Дождём из слёз на ссохшуюся ложь,
Спасая нас, и зря старался бес
Их совесть разменять на ржавый грош.

Шторма застыли в беге вертикальном,
Оборван парус, одинокий причал,

И нёс его народ в гробу хрустальном,
И в первый раз он просто промолчал.

Молчали все, сливались поколения,
Страна не верила, что он загнал коней.
Но вот Таганка встала на колени,
И вся Россия встала вслед за ней...

Жизнь научит

Облака не живут,
Если их прячет ночь.
Звёзды днём не живут,
Жизнь дарует им ночь.
От сумы и тюрьмы
Зарекаться грешно,
На канате судьбы
Многим не повезло.

Время всё перемелет,
Не остынет душа.
Кто гадает, кто верит,
Кто живет вне себя.
Жизнь не стоит учить,
Жизнь научит сама.
Как идти по пути,
Где есть свет и есть тьма.

Под контролем шаги
И про нас знают всё,
Мы идем по пути —
Кто наверх, кто на дно.
Нарушая табу,
Правду учат кнутом,
Ложь выносит поток,
Хоть подбито крыло.

Мироточит с небес
И мы с верой идём,
Что простят нас не здесь,
Это будет потом.
Нас не надо учить,
Жизнь научит сама,
Как идти по пути,
Где есть свет и есть тьма.

Вор

Он на пляже не тронет барсетки,
И глаза в кошелёк не скосит,
Для него миллионы – конфетки,
Миллиарды – его аппетит.

В Кабардинке другого вор сорта,
Не домушник он и не щипач,
Даже александрийского форта
Не стыдится тот тёртый калач.

Не найти кабардинского вора,
Он в недвижимость вложил себя,
Превратившись в дворцы и хоромы,
Он стоит исполином дерьма.

Если б нефть говорить бы могла,
Если б газ тайну вслух нам поведал,
Раскраснелись бы эти дома,
Прокуроры б лишились обеда.

А кругом, как грибы после ливня,
Крыши ветхие простолюдинов,
Но за эти дома мне не стыдно,
Стыдно мне за дома властелинов.

Дороги судьбы

Дороги судьбы – твердь и пламень, и радость, и слёзы,
И каждый идёт в этой жизни своею тропой.
И с этой дороги сойти и свернуть невозможно,
Пока видишь небо и солнце над грешной землёй.

Ни дьявол, ни Бог, ни удача, ни страх и ни случай,
Ни вера, ни подлость, ни страсть, ни закон, ни запой, —
Ничто не поможет нам, сколько ты душу не мучай,
На этой тернистой дороге увидеть покой.

И если, расставшись с собой, как с оборванным криком,
Ты падаешь в пропасть с табличкой на шее «изгой»,
Расправь крылья жизни в падении мрачном и диком,
Пусть даже лохмотьями стали они за спиной.

И пусть нам судьбою нечестно отмерено в жизни,
Пока бьётся пульс, свет в глазах и тепло на губах,
Мы этой дорогой надеемся, видим и дышим
И ей не изменим, пока не истлеет наш прах...

Снова двое

Во мне снова двое: Я и Он...
И рвут они душу с двух сторон,
Сцепились, будто цепные псы...
А сердце одно, в общей груди.

И воя надсадно, оскалив клыки,
Хватают друг друга за вены-клубки,
И выльется кровушки в землю сполна,
И оба напьются и зла и добра...

В бессмысленной бойне живут и вражде,
И только в беде спят в одной конуре,
Друг другу тепло отдают в холода,
И кормят друг друга с ладони любя...

Во мне снова двое: Он и Я
И я их терплю, а они меня...

Лавина

Вершина над нами, последний привал,
В тебя мы врезались стальными когтями,
А там, на равнине, устали мы ждать
Этой встречи с тобой,
Что поделать, родная,
Ведь мы бредим горами
И этой отвесной скалой...

Идём, растянувшись пологой дугой,
Зовёт нас вершины загадочный лик,
Рискуем мы всем, чтобы тронуть рукой
Истерзанный дикими ветрами пик.

Прочнее страховки лишь друга рука,
И это для гор – не формальный закон,
Он в силах поднять из глубин ледника,
Он нам помогает пройти через склон.

Мы молча шли кверху в жилище ветров,
Твердя про себя, что мы все, как один,
Мы все были связаны общей судьбой,
Когда по страховке скользил карабин.

И не было мыслей иных, кроме той,
Которая нас заманила сюда,
Наверх, где ветрами нарушен покой,
Где ниже висит облаков седина.

Мы столько прошли среди снега и скал,
В промёрзшие пальцы друг друга дыша,
В награду за это – лавины оскал,
Чуть дрогнув, с вершины пошел не спеша.

Лавина идёт! Лавина идёт!
Спасения нет, от нее не уйти,
И лёд на куски, и камень в песок,
И сердце отчаянно бьётся в груди.
Лавина идёт! Лавина идёт!
Все судьбы сметая, круша всех и вся.
Восстала вершина, и снежный поток
Собой накрывает тебя и меня.

А там, на равнине, опять чьи-то сборы.
Что поделать и их одурманили горы.

Пусть вершина их примет – пусть они иногда
Вспоминают о тех, кто ушел под снег

Я не пою...

Я не пою про то, в чём нету смысла,
Слова в тех песнях – ржавые ножи,
В угоду рифме не тасую мысли,
В колоде карт замасленных от лжи...

Я ненавижу показные слёзы,
Слепое покаяние души,
Для красоты обрезанные розы,
И понапрасну прожитые дни.

Я не люблю безбашенную смелость,
Без чувства страха риску – грош цена,
За счёт других, безудержная щедрость
Мне тоже не понятна и грустна...

Не помогаю я рабам стакана,
Их обещания намеренно пусты,
И если б мне досталась эта яма,
Я б сам себе не подал бы руки.

Я не люблю толпы инстинкт кровавый,
И бичевание свергнутых вождей,
Мне стыдно видеть «левых» среди «правых»:
Предвыборные лозунги ужей.

Я не хочу терзаться безнадёгой,
И верить власти, утонув в мечте.
Я не хочу спросить однажды Бога:
В какой же строчке я соврал себе?

Возвращение

Узлы распутал нож,
В тоннеле виден свет,
На поезд «ПРАВДА – ЛОЖЬ»
Обратный взят билет.
Лети, мой экспресс,
Без тормозов.
Я возвращаюсь в себя...

Я больше не вернусь
В тот город из песка.
Я выбрал этот путь,
Чтобы вернуть себя.
Лети, мой экспресс,
Без тормозов.
Я возвращаюсь в себя...

Там нет меня

Я вижу этот мир, раскрашенный лишь в цвет добра
Там тают не мечты, там тают лед и облака
Но, там нет меня...
Я вижу это мир, там все разбиты зеркала
И в зеркале души, нет места отраженью зла
Но, там нет меня...

Реквием

Оттолкнусь я от причала скоро,
И веслом Харон махнёт сплеча,
Его лодка – ветхая опора,
Парус – поминальная свеча.
Воды Стикса вокруг, я словно в топке,
Вспышка, миг – и холод пустоты,
И придётся плыть в зловонной лодке,
А по мне б в санях и со скалы.

Я по жизни в них летел по полю,
Очень жаль, что в этот смертный час
Пересяду в лодку я к Харону,
В лодку смерти, жизни бег предав.
Не молитесь вы по мне, прошу я,
На предназначение моё,
В церкви не споют мне «Аллилуйя» —
Я давно не посещал её.

Правда, вспоминаю мать родную,
Родину и, может быть, тебя,
Строчку правды, что в хмелю пишу я,
Самого не чувствуя себя.
Птицу отпущу на зов печальный,
И она, поднявшись до звезды,
Сложит крылья, и полет прощальный
Снег белёсый окропит в крови.

Блюз

Не ведал ночи я длинней,
Я был в князьях, теперь лакей.
Был щедрым я, теперь скупой,
Стою с протянутой рукой.

Как нагло с петель сорвала,
Дверь моей хижины тоска,
И руку дружбы подала,
И я спросил её тогда:

С чем ты пришла ко мне, скажи?
С пригоршней правды, с горстью лжи
В пустых глазах – зелёный мрак
В карманах водка и табак.

«Что ж, по одной!» и уходи,
Ведь нам с тобой не по пути
Жизнь не бывает без потерь
Вот и тебе, пора за дверь.

Не ведал я ночи длинней,
Я был в князьях, теперь лакей...

Спор

Стрелец:

Последний час и первый одинаков,
В них так легко, а между – лишь пути:
Сердечных стробов, бьющихся в груди,
Под ломаные ритмы тайных знаков...
Кнутом наотмашь – и в лохмотьях кожа,
В дуге душа, готовая к прыжку.
Стрелец не ослабляет тетиву:
Я на охоте с ним, и цели вижу тоже.

Голос небес:

Твой бег – ошибка, существо надменно,
Оно бросает в ветры паруса.
Куда летишь ты? – Приоткрой глаза,
Чем мельче шаг, тем дольше путь в Инферно.
И целей нет, один для всех исход,
И путь к нему лишь временем очерчен,
Бег во внезапность? – Инцидент исчерпан,
Внезапно появление и уход...

Стрелец:

Внезапность, как награду, я приму.
Мой покровитель – Огненный Юпитер,
Лучом пронзит небесную обитель
И в жизнь отправит, словно на войну.
Бокал я выпью на краю скалы
Глотком удачи, смешанным с бедой,
И знаку своему махну рукой,
И он стрелу отпустит с тетивы.

Голос небес:

Истец, ответчик и немой свидетель —
В крови по горло на войне без правил,
Судить нас будут двое: Бог и дьявол,
Один за грех, другой за добродетель.
От этого суда не скрыться нам,
И в небесах жизнь тоже эпатажна,
Что будет впереди – не так уж важно,
Когда плывешь в потоке по волнам.

Стрелец:

Наш спор бессмыслен, не найдем мы суть:
У света нет границ и тьма безмерна,
Есть два часа: последний час и первый,
В них истина, а между – МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ...

Шторм

Все наверх!
Долой паруса!
В мачты вошли топоры!
Режется шкот,
Падает грот,
Не падаем только МЫ!
Где горизонт?
Смешано всё – небо и океан,
В рост поднялась убийца-волна,
Ломая нас пополам.

Шторм!
Шторм!
Шторм!
Стон!
Шпангоутов стон!
Может, когда-то мы вспомним о нём,
Если, даст Бог, доживём...

Рифы, как волки, вонзая клыки,
Вспарывают борта,
Под ватерлинией режут они,
И режут наверняка.
Где горизонт?
Смешано всё: небо и океан,
Крысы за борт, с нами Господь
И, как всегда, капитан...

Эстафета

УДАР:

Я не слышал отсчет секунданта,
И сполз по канатам, как сорванный лист,
В глазах потемнело, и ноги что вата,
И на мгновение толпы крик затих.

РАЗ:

Обида жжёт сердце, как раны жжёт соль,
Но надо подниматься с дрожащих колен,
С улыбкой сквозь слёзы, страдания и боль,
Когда на висках пухнут змеи из вен.

А может быть, возраст – препятствие к цели?
Соперник так молод, прыгуч и силён,
Крутые финты мне его надоели,
Но надо признать, ими я поражён.

Я тоже не промах, себе знаю цену,
Но с этим, как в стену, всё бьюсь головой,
Мне кажется, он изнемог до предела,
Но в печень проходит его боковой.

ДВА:

Прогремело, как гром в тишине,
Когда-то я сам этот счёт в такт считал,
Победа звездой купалась в вине
И рефери руку мою поднимал.

Я тяжесть венков ощущал на плечах,
И выла толпа у моих сбитых ног,
Но пробил тот час, я почувствовал страх,
Вот рухнул, хватаясь за бок.

ТРИ:

Бокс не выносит хромую беспечность,
Как долго я рвался, вершина, к тебе.
Но нет там дороги длиной в бесконечность,
И вот, сделан шаг к нисходящей тропе.

СЕМЬ:

Будто бы цепью я к полу прибит,
И мне б приподняться, и кинуться в бой!
А, может быть, хватит, пора уступить
Судьбе, что владеет тобой?

Деньгами набиты карманы вполне,
Их хватит на жизнь, что отмерил Господь,
Быть может, пора завершать резюме,
Другой на вершину идёт.

ВОСЕМЬ:

Я чувствую силу в руках,
Как будто бы ветер усилил прибой
Короткое «Брэк» – и я вновь на ногах,
Упрямо иду в ближний бой.

О, где же мой шанс, мой ликующий миг,
Поверь мне, я вряд ли его упусти,
А коль доведётся ему лечь на ринг,
Я пальцев с десятков загну.

Вот он открылся, «пиши, что пропал»,
Я силы все вложил в удар по виску,
И капа разжата, ликует весь зал,
Но тот ухмыльнулся в углу.

Опять по плечу ему хлопнул судья,
Он снова готов, лихо крутит финты,
Нет времени ждать, чтобы гонг зазвучал,
Я потом опять наполняю бинты.

И, кажется мне, эстафету бегу,
А вот тот, другой, ждет касания рук,
Он рядом уже, но я рук не даю,
Я верю, что выдержу следующий круг.

Но рефери пальцы, потя, сгибал,
Казалось мне, носят вокруг образа,
Как прежде, бывало, на шесть я не встал,
И только на восемь открылись глаза.

ДЕВЯТЬ:

С рассветом уходят мечты,
Соперника вверх устремилась рука,
Вот ты, моя пропасть, не верил, что ты
Будешь на столь глубока.

Но что происходит? Под крики толпы
От множества рук отрываюсь я ввысь,
И тысячи глаз с омерзительной тьмы,
Как будто софиты, зажглись.

И снова, я вижу, по кругу бегу,

И силы опять наполняют меня,
Но первым разрезать уже не смогу
На финише ленту, летя.

Ведь там тот, другой, ждет касания рук,
И я их касаюсь под крики и вой,
Как кубок, несу в перебитых руках
Победу свою над собой.

РАЗ – поднимаю я голову вверх,
ДВА – вот почувствовал локти свои,
ТРИ – на колени встаю не спеша,
А на ЧЕТЫРЕ – оперся в ступни,
ПЯТЬ – вытираю разбитую бровь,
ШЕСТЬ – поднял руки, скрестив на груди,
СЕМЬ – с болью в сердце живительный вдох,
ВОСЕМЬ – и всё впереди...

Streetracing hit

Стрит – рейсинг – форма незаконных автогонок на улицах.

Твой город спит в огнях,
Неоновых витрин.
И вот уже в глазах,
Неоновая пыль
И ты летишь за ним,
Газ выжат до конца.
Безбашенный экстим – опасная игра.

Поёт на вираже,
Стрит – рейсинговый ХИТ,
Две тачки в кураже,
Превысили лимит.
Ты стал одним из тех,
Кому неведом страх,
Летишь на красный свет,
Без тормозов в мозгах.

Рассвет развеял ночь,
Ты был ещё во тьме,
И знает только Бог,
Как повезло тебе.
Что свет дороже тьмы,
Ты осознал сполна,
За выход из игры – ХОРОШАЯ ЦЕНА!

Север Батя

Сколько песен пропето, а сколько ещё не сложилось,
Про озноб мелкоlesia и топи замшелых болот,
Но мне хочется петь, чтобы раненой птицей забилося,
Моё сердце не знавшее этих суровых широт.

Здесь не место дешёвым стишкам и избитым мотивам,
Здесь романтика вечных мерзлот не поёт у костра.
Ну а если поёт, её голос на грани надрыва,
Потому что, поймите, про Север иначе нельзя.

Полоза шли под воду и плотно туманы садились,
Изыскатели шли по мерзлОтам, вгрызаясь в тайгу,
Сколько их обожжённых морозом на вахтаx сменило,
Свою юную кожу на полярную кожу – кирзу.

И обидно за фразу «ему длинный рубль был нужен»,
Порождённую теми, кто впился в тепло и уют,
Этим длинным рублём вся страна согревалась от стужи,
А у «длиннорублевых» коротким был жизненный путь...

Север-Батя, никогда не плачет
Слабаков не любит, и не ждёт тепло
Север-Батя, только все иначе
Называют Север – Север, вот и всё...

Север

Это было: снег кружился над торосами
Вертолётom разрывалась тишина,
Превращалась в лёд под дикими морозами,
Слеза...

В сотнях книг нам не прочесть эту историю,
В сотнях фильмах не сыграть, ни миг, ни час
Как на северных широтах добывали мы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.